

<http://LLL21.petrso.ru>

<http://petrsu.ru>

Издатель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Петрозаводский государственный университет»,
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный ежеквартальный журнал
НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: XXI ВЕК

Выпуск 4.
Winter 2013

Главный редактор
И. А. Колесникова

Редакционный совет

О. Грауманн
Е. В. Игнатович
В. В. Сериков
С. В. Сигова
И. З. Сковородкина
Е. Э. Смирнова
И. И. Сулима

Редакционная коллегия

Т. А. Бабакова
Е. В. Борзова
А. Виегерова
С. А. Дочкин
А. Клим-Климашевска
Е. А. Маралова
А. В. Москвина
А. И. Назаров
Е. Рангелова
А. П. Сманцер

Служба поддержки

А. Г. Марахтанов
Е. Ю. Ермолаева
Т. А. Каракан
Е. В. Петрова
Ю. Ю. Васильева
Е. Н. Воротилина

ISSN 2308-7234

Адрес редакции

185910 Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33, каб. 254а
Электронная почта: LLL21@petrsu.ru

КУЦ Владимир Анатольевич

кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник ОАО «Концерн “Гранит-Электрон”, соискатель степени доктора культурологических наук в РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)
2697305VK@inbox.ru; 2697305VK1@inbox.ru

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ОПЫТ САМОРЕФЛЕКСИИ

Аннотация: автор статьи не педагог, но все этапы его жизненного пути, все определяющие жизненные выборы и большая часть жизнедеятельности связаны с образованием – формальным, неформальным и информальным. В статье на основе ретроспекции и саморефлексии выполнен анализ этих выборов, вскрыта их внутренняя логика и последовательность осуществления. Школа, электротехнический институт, защита кандидатской диссертации по технической специальности, работа в оборонной промышленности, подготовка исследования в области культурологии – это первая ветвь жизни, связанная с формальным образованием. Освоение и преподавание в течение 30 лет русского кулачного боя, русского фольклора, разработка способов их адаптации в постнеклассической культуре, публикация книг, в которых выполнены культурологический и педагогический анализы кулачного боя, и нескольких сборников стихов – это вторая ветвь, сплетенная с первой и связанная с неформальным образованием. Многочисленные жизненные встречи с интересными творческими людьми, воспитание своих детей, переживание ситуаций спонтанности и творчества составляют контекст информального образования. Анализ многообразия сюжетов жизненного пути показывает смысловое единство образовательной траектории. Личностный образовательный опыт в технической и гуманитарной сферах трактуется как разработка средств защиты и самозащиты. Автор полагает, что для данного пути характерны некоторые образовательные инварианты XXI века, ориентированного на нелинейные интеграционные процессы, на культуроцентристские тенденции, на вариативность, поэтому его рассмотрение станет интересным и полезным для специалистов в области непрерывного образования.

Ключевые слова: жизненные инварианты, жизненный выбор, индивидуальная траектория образования, непрерывное образование, поэтика, русский кулачный бой, саморефлексия, счастье, техническое и гуманитарное образования, фольклор, формальное, неформальное, информальное образование.

Kuts V. A.

LIFELONG EDUCATION: THE EXPERIENCE OF SELF-REFLECTION

Abstract: the author of the presented article is not an educationalist, however all the stages of his life, all the defining life choices, and a large part of his life are related to the education – formal, non-formal, and informal. This article gives an analysis of these choices through retrospection and self-reflection. The internal logic and consistency of the decisions are revealed. School, Institute of Electrical Engineering, Ph.D in Engineering, working in defense industry, the research in the field of cultural studies – this is the stage of life associated with formal education. The mastering and instruction of the Russian fisticuffs for 30 years, teaching the Russian folklore, their integration into post-nonclassical culture, publishing books on cultural and pedagogical analysis of fisticuffs, publishing several books of poems – this is the second stage connected with the first one and associated with non-formal education. Meetings with creative people, the upbringing of children, the situations of spontaneity and creativity – all that are the constituents of informal education.

The analysis of the various life trajectories showed the essential unity of the educational trajectory. Personal educational experience in technical and humanitarian spheres is interpreted by the

author as the development of means of protection and self-defense. This educational trajectory contains certain invariants of the XXI century education focused on the integrated nonlinear processes, on culturocentrism, and on variability – and therefore it might be interesting and useful for the specialists in the field of lifelong learning.

Key words: life invariants, life choices, individual trajectory of education, lifelong learning, poetics, Russian fisticuffs, self-reflection, happiness, technical and humanitarian education, folklore, formal, non-formal, and informal education.

Одной из отличительных черт непрерывного образования является своеобразие индивидуальной образовательной траектории, или, несколько обобщая, своеобразие жизненного пути. В настоящее время по данной теме накоплено не так много материалов, поэтому любая «исповедь» может представлять интерес и высвечивать некоторые инварианты жизненных стратегий. Спецификой предлагаемой саморефлексии является нетипичность, в чем-то парадоксальность жизни автора, в которой техническое начало, связанное с логарифмами, интегралами и крылатыми ракетами, переплелось с гуманитарным и даже поэтическим; спортивно-телесное – с интеллектуальным; традиционное – с современным; формальное – с неформальным. И вместе с тем в пройденном пути много типичного, инвариантного, даже банального, являющегося обязательным почти для каждого, что делает мой путь, а значит, и меня близким (нашим, своим) миллионам соотечественников.

В предлагаемых авторских рассуждениях используется принятое деление образования на формальное, неформальное и информальное [1]. Первое связано с типовым процессом получения образования и дипломов в государственных учреждениях. Второе – с негосударственными, например просветительскими, организациями. Третье – это познавательная деятельность, реализующаяся за счет собственной активности и сопровождающая повседневную жизнь. Это общение, чтение, посещение учреждений культуры, путешествия, использование средств массовой информации и т. д.

В начале жизни траектория была типичной: коммуналка в полуподвале на улице Чапаева, детский сад в доме политкаторжан на площади Революции – сердце Санкт-Петербурга. Почти каждодневные прогулки по Петровской набережной у домика Петра Первого, у «Авроры», по Петропавловской крепости. Далее получение родителями новой квартиры, переезд в Купчино, школа, чтение запоем, первые стихи, победы на школьных и районных олимпиадах почти по всем предметам. Отмечу нетерпение, с которым я ждал начало учебного дня, чтобы услышать оценку учительницы о моих первых стихах? и разочарование (чуть ли не слезы), когда она не пришла из-за болезни. Нетипичен был аттестат зрелости без четверок: две тройки (русский и английский) и остальные пятерки. «Оптимизация» образовательного процесса была сознательно воплощена в школе. Подготовка домашних заданий по русскому и английскому языкам была самой емкой по времени, что заставило пожертвовать ими в пользу шахмат и не выполнять «грамматических приседаний», зато защитить психику, сохранив любовь к письменному и устному самовыражению, которое впоследствии воплотилось в книгах и преподавании.

Шахматы и первый самостоятельный выбор. В четвертом классе я самостоятельно записался в шахматный кружок в филиале дома пионеров Фрунзенского района и страстно полюбил шахматы. И опять нетерпение, счет дней до следующего занятия и слезы, если тренер – А. Г. Карпов (однофамилец с

чемпионом мира) – пусть крайне редко, не приходил на занятия из-за болезни. Социальные подкрепления пришли быстро: папу, иногда побеждавшего перво-разрядников, я начал систематически обыгрывать в пятом классе, в восьмом – вошел в сборную Ленинграда среди школьников. Здесь моим тренером стал известный шахматист, международный мастер спорта, заслуженный тренер России А. В. Черепков, а спарринг-партнером – ровесник Леня Юдасин – будущий международный гроссмейстер, участник матча претендентов на шахматную корону¹.

Несколько нарушая хронологическую последовательность изложения, в которой большое место будет отведено русскому кулачному бою и боевому самбо, но подчеркивая их связь с шахматами, приведу следующее воспоминание. Тренеру молодежной сборной СССР по шахматам В. М. Бывшеву был задан вопрос: «Какие качества личности вырабатывают шахматы?» Я попытался угадать ответ: интеллектуальные, способствующие логическому анализу, усидчивости, терпению, интуиции, спонтанным решениям? Ответ меня поразил: «Бойцовские качества». А. В. Черепков во время ВОВ был командиром штрафной роты, армейским разведчиком, владевшим, как и многие его ровесники, кулачным боем (за применение которого он был сослан до войны на год в ГУЛАГ) и умением выживать в экстремальных ситуациях. Его рассказы, видимо, запали в подсознание и повлияли на выбор жизненного пути.

Техническое образование и самообразование. Почти все школьные учителя, отмечая у меня гуманитарные способности, рекомендовали поступать в соответствующие вузы. Перед окончанием школы я всерьез подумывал стать шахматным тренером. Но, подчиняясь зову эпохи, в которой «величие степенно отступает в логарифмы», я пошел по иному пути. Выбор техники, которая была для меня *terra incognita*, оказался вторым самостоятельным и, как оказалось, судьбоносным жизненным выбором. И опять он был связан с образованием, на этот раз с формальным. В то время технические вузы обеспечивали хороший уровень высшего образования, гарантированное среднестатистическое будущее и уважение в обществе. Я поступил в ЛЭТИ им. Ульянова (Ленина) и прочно связал свою жизнь с радиотехникой, на ниве которой работаю ведущим научным сотрудником по сей день.

За время обучения наибольшее влияние на меня оказали два преподавателя. Кандидат философских наук В. С. Бушуев, который вел практику по социологии и факультатив «Методика умственной организации труда», и доктор технических наук А. З. Киселев, не только блестяще читавший лекции по помехоустойчивости судовых радаров, но и формировавший высокую гражданскую позицию. Он впоследствии стал моим первым оппонентом на защите кандидатской. Учеником и сподвижником философа я остался на всю жизнь. Удивительно, как жизнь связывает некоторых людей. Его учениками за 20 лет стали моя жена, ее друзья, учившиеся в той же группе ЛЭТИ, впоследствии ставшие моими друзьями, мои многочисленные ученики по кулачному бою, сотрудники по работе и даже старший сын. Это заставляет задуматься о еще сохраняющейся преемственности поколений, являвшейся нормой традиционной культуры, большой притягательности, влечения, даже любви, возникающих между людьми с одинаковым формальным образованием.

¹ Интересен общий момент в наших судьбах. В 2004 году Л. Г. Юдасин выпустил книгу «Тысячелетний миф шахмат» (историко-философское исследование) [2], в которой, по сути, выполнен культурологический анализ шахмат (например, глава 4 «Культурология шахмат. Шахматы как культурный миф (очерки)»), а названия глав почти совпадали с названиями глав моей книги «Самозащита культуры» [3], выпущенной в том же году, но не по шахматам, а по русскому кулачному бою.

О непрерывном образовании, хотя такой термин тогда не употреблялся, о сензитивных периодах обучения или социальном импринтинге я услышал от В. С. Бушуева. Вот цитата из его репринта (издаться тогда было непросто) 1977 года, который я храню более 30 лет, опубликованная лишь десяток лет назад [4]: «Желания, умения и навыки самообразования также можно и нужно целенаправленно формировать и развивать. Образование и самообразование должны быть пожизненными. И принципиально важно знать, как именно в том или ином периоде жизни индивида “фильтруется” по закономерностям социального импринтинга воздействие на него внешней среды, тем более, что ни стирание, ни перезапись, ни восполнение упущенного по истечении времени невозможны – возможно только пожизненное дополнение новым, которое во многих случаях может перекрывать (не стирая!) ранее запечатленное».

Перед окончанием института я понял, что схватываю суть прочитанного нового материала быстрее аспиранта, выходящего на защиту кандидатской диссертации. Это и многое другое подтолкнуло меня после начала инженерной работы поступить в аспирантуру и через четыре года защитить кандидатскую, которая оказалась последней в совете, закрывшемся в связи с распадом СССР. Пожалуй, продолжение технического образования уже было не выбором, а некоторой предопределенностью. Отмечу, что кандидатский минимум по английскому, который я игнорировал в школе, сдал на пять, считая, что пора отдавать долги и что настал момент. Я оказался последним из защитившихся «могикан» почти на 20 лет. Исследования, выполненные в кандидатской диссертации по системам радиоэлектронной борьбы, а главное, устройства, реализованные на их основе, были успешными и эффективными.

Около десяти лет я проработал начальником лаборатории приемных устройств, постоянно продолжая самообразование в технике. Чаще всего разработки носили принципиально новый характер.

Например, в конце 20-го века ко мне обратились специалисты по ядерной физике с предложением разработать устройство, выдерживающее температуры до 300 C^0 , для детектора элементарных частиц, входящего в большой адронный коллайдер. Это было невозможным, но, оказывается, ко мне и обратились как специалисту, ориентированному на невозможное. И разработка удалась, хотя пришлось изобрести новый тип сумматора мощности, описание которого опубликовано в журнале английского королевского общества.

Русский кулачный бой и боевое самбо. В какой-то момент жизни я почувствовал психологический дискомфорт, как теперь понимаю, от затухания (самозатухания?) процесса образования. Похоже, что образовательные процессы, как и материя, подвержены энтропии, и для их поддержания необходим приток негэнтропии – затраты волевых усилий. Жить стало скучно. Как ни странно, многих моих друзей, поступивших на работу вместе со мной, устраивало то образование, которое они получили, и та жизнь, которую они вели на его основе. Видимо, у меня каким-то образом выработалась или была выработана потребность в *постоянном* образовании. Когда, как, где, каким образом? Не знаю. Это тайна, которую в общем виде необходимо раскрыть современной педагогической науке и создать технологии формирования этой потребности.

Мне требовалось нечто принципиально новое, иное, отличающееся от проторенных интеллектуальных путей, недостаточность которых я не только ощущал, но и осознавал. Именно в это время я стал набирать лишний вес, почувствовал свое физическое несовершенство. Занятия шахматами, которые относят к видам спорта, не решали этих проблем, хотя я несколько раз становился чемпионом ЦНИИ. Необходимым стало телесное (спортивное?) образование. Но спорт в его чистом виде, ориентированный на детей или профессионалов, отпал. Я стал искать и нашел, осуществив *третий жизненный выбор*. Этим выбором, еще раз изменившим мой жизненный путь, оказался русский кулачный бой, учителем которого стал А. В. Грунтовский².

Выбор кулачного боя был неслучайным. Во время учебы в ЛЭТИ я год изучал карате, достиг значительных успехов, однако что-то неосознанное, невыразимое словесно, препятствовало этим занятиям и не позволяло личностному потенциалу развернуться полностью. Теперь я понимаю, что этим неосознанным являлось стремление к русской культуре, к чему-то первичному, к сохранению тех систем, среди которых я жил. В то время А. В. Грунтовский, обращаясь к традиционному культурному пространству, осуществлял реконструкцию русского кулачного боя и боевого самбо. Именно этот фактор и был решающим. Я стал его помощником, сподвижником и даже заместителем председателя Санкт-Петербургского общества любителей кулачного боя, носившего просветительский характер, помог в издании книги [5], которая стала для многих учебником жизни. Не найдя удовлетворительных для себя форм формального образования, я отыскал и даже сам способствовал созданию форм неформального и информального образования. Это стало главным выбором в жизни. Путь к непрерывному образованию был открыт. Формальное образование имеет принципиально ограниченные временем формы: 10–11 лет – школа, 5–6 лет – вуз, 3–4 года – аспирантура. Неформальное и информальное образования этого ограничения не имеют, поэтому являются основными формами непрерывного образования.

Неожиданно для себя самого, быстро освоив отечественные системы самозащиты, я через три года стал преподавателем. Далее самообразование продолжалось именно через преподавание. Важнейшим делом жизни стала разработка современных подходов по систематизации и освоению средств и способов самозащиты. Такие подходы позволили восстановить преемственность в освоении культурного наследия и адаптировать его в современность [3; 6].

За тридцать лет преподавательской деятельности через мои руки «и даже кулаки» прошло более полутора тысяч учеников. Иногда на тренировке одновременно занимались до 70 человек. Наиболее успешные помогали мне, а через несколько лет девять из них стали преподавателями. После каждого занятия я читал микролекцию (не более получаса). Тематика была широчайшая: боевая, историческая, фольклорная, патриотическая, поэтическая. Некоторые ученики и тренеры впоследствии приходили именно на лекции, называя их душевными беседами. Иногда приходили родители и слушали тоже. Несколько раз благодарили за то, что после года-двух таких занятий уче-

² Удивительно, что он тогда жил в Купчино, в доме напротив. Часто потенциальные учителя живут совсем рядом. Еще два ученика А. В. Грунтовского, один из которых впоследствии стал преподавателем кулачного боя, жили в его доме. Видимо, территориальная близость к учителю является важным фактором.

ник-сын «бросил» ПТУ и поступил в университет, т. е. благодарили за изменение уровня образовательных притязаний.

Сформированная жизненная активность позволила преподавать русский кулачный бой даже за пределами Родины. Например, почти три года я работал в Индии, учил нашим системам самозащиты индийцев и соотечественников. Похоже, это было нестандартно – занятия как-то снимал канал ВВС. Брала у меня уроки старший тренер полиции Мумбая по карате, имевший 4-й дан, а также чемпион Непала по карате, имевший 3-й дан, и их ученики. Кроме того, я преподавал шахматы, учился индийским танцам, постигал индийскую культуру. Побывал в сотнях культовых и исторических мест, десятках культурно-образовательных центров, немного стал говорить на хинди, значительно улучшил свой английский, приобрел немало друзей-индийцев.

Освоение русского культурного наследия. В начале 1990-х я не знал, что многие авторы понимают образование как «полагание» в культуру (М. С. Каган, В. Н. Сагатовский, А. П. Валицкая, Л. М. Мосолова). Не предполагал, что в начале XXI века значимыми станут «культурологические концепции образования, ориентированные на человека как субъекта учения» [7, с. 18]. Погружение в традиционные культурные пространства, обладающие огромным образовательным потенциалом, началось само собой. Иной тип мышления человека постклассицизма, структурирующий его систему ценностей и алгоритмы выбора, а также иной тип двигательной активности, иная телесно-ориентированная система движений (иная пластика движений) существенно снижали эффективность освоения традиционных систем самозащиты, являясь главной проблемой их распространения. Именно трудность решения этой проблемы привела к широкому внедрению в России сначала западных (бокс, классическая и вольная борьба), а затем восточных (карате, айкидо, дзюдо, джиу-джитсу, ушу и т. д.) боевых искусств. Стало понятным, что для повышения эффективности освоения русского кулачного боя необходимо хотя бы частичное воссоздание, воспроизведение особенностей русской традиционной культуры, т. е. контекста, в условиях которого происходил генезис русского кулачного боя.

В одной из своих книг М. Ю. Лотман отмечает: «Текст, изъятый из контекста, представляет собой музейный экспонат – хранилище константной информации. Он всегда равен самому себе и не способен генерировать новые информационные потоки. Текст в контексте – работающий механизм, постоянно воссоздающий себя в меняющемся облике и генерирующий новую информацию» [8, с. 676]. Контекстом, воспроизводящим особенности русской традиционной культуры, является параллельное освоение вместе с кулачным боем русских игр, вокала, танца, театра, народного целительства. Во-первых, по глубинным основаниям они совпадают с русской культурой, а во-вторых, обеспечивают появление нового качества, освоение метасистемы, в которой кулачный бой является только одним из компонентов.

В моем опыте к особенностям воссоздания культурного контекста были отнесены: освоение различных форм боя (свалка-сцеплялка, стеношный бой, круговой бой, бой с оружием и т. д.) в соответствующих по возрасту группах (дети, подростки, юноши, взрослые); проведение занятий на природе (в противоположность занятиям в комфортабельных залах) во всепогодных русских условиях; широкое участие в народных праздниках (Святках, Масленице, Крещении, Пасхе, Юрьевом дне, Красной горке).

Участие в праздниках, фестивалях, публичных выступлениях, семинарах, мастер-классах неизбежно привело к встречам и сотрудничеству с ведущими специалистами в фольклоре, с руководителями фольклорно-этнографических коллективов. Особое влияние оказало общение с президентом и вице-президентом фольклорного союза России А. М. Мехнецовым и В. В. Асановым, с которыми я неоднократно ездил на фестивали. Встречи с М. В. Осориной – известным специалистом по психологии детства и фольклору – подтолкнули к педагогической деятельности в детско-юношеской среде. Я вел занятия по традиционным играм и пластике в детских садах, школах, лицеях, проверяя некоторые теории на практике. Провел десятки научно-практических семинаров и мастер-классов по традиционным играм и фольклору для директоров, методистов и воспитателей детских садов и школ, передавая эстафету им. Разработал сценарий и принял участие в съемках учебного фильма «Традиционная пластика в детском саду» по программе «Дети России».

«Стратегия» гуманитарного самообразования. За первые годы преподавания было накоплено огромное количество материалов: заметок, фотографий, видео- и аудиокассет по бою и фольклору. Пришло понимание того, что лучшей формой систематизации и последующей ретрансляции будут статьи и книги. Тематика, интересовавшая меня, была широкой: спорт, общая теория систем, лингвистика, история, народные игры, вокал, танец, язык жестов, целительство, архитектура. Пришлось разработать собственную «стратегию» изучения каждой подтемы. Этому существенно помог системный подход, которому меня учил в ЛЭТИ В. С. Бушуев, и который я применяю всю жизнь. Кратко «стратегия» заключалась в следующем. За год я прорабатывал примерно 80–100 книг по каждой из тем, делал заметки, записывал ассоциации и комментарии. Потом определял инварианты, сходства и различия, общался со специалистами, ездил на конференции по спорту, педагогике, медицине, валеологии, посещал семинары и лекции. Сам проводил их и выступал с докладами. Меня понимали, а, главное, я понимал специалистов в областях, где не имел формального образования. Некоторые из них, как оказалось, зная, что у меня есть ученая степень, ошибочно считали, что именно по их специальности.

Книги приходилось перечитывать многократно. Впоследствии понял, что проработанный по каждой из тем информационный объем примерно соответствует объему, рекомендуемому для изучения в вузе. В среднем студент по конспектам сдает по 10–12 экзаменов в год и 50–60 – за весь период обучения. Один конспект примерно равен одной книге. Получалось, что по количеству книг я даже превышал этот уровень, кроме того, я работал для себя, на совесть, стараясь запоминать на долгое время, а не до экзамена. Но главное: изучаемый материал был не только интересен мне, а жизненно необходим. Количество освоенных тем при таком подходе можно с некоторыми оговорками считать равным количеству высших неформальных образований. Экономия времени на получение такого образования составляет 5–10 раз. В случае необходимости формализации образования при данном подходе любой человек смог бы окончить ускоренный курс и получить диплом.

Новым эффектом стала интеграция полученных неформальных образований гуманитарного характера с базовым техническим образованием. Я стал способен осваивать тексты таких авторов, как Ю. М. Лотман, В. В. Налимов,

С. П. Расторгуев, использующих в своих книгах непростой математический аппарат. Одним из направлений моей научной деятельности стало продвижение использования методов точных наук в гуманитарной сфере. Среди этих методов байесовский анализ, апологетом которого в гуманитарной среде был В. В. Налимов [9], кибернетический анализ на основе нейронных сетей, используемый С. П. Расторгуевым [10], синергетический анализ, метод математической статистики.

Встречи. Важнейшими моментами моей жизни, определявшими ее ход и влияющими на выбор пути, являлись встречи с экстраординарными людьми. В чем-то такие встречи были подобны столкновениям шаров. Столкновение с массивным шаром, как правило, существенно изменяет траектории шаров с малой массой. Некоторые из перечисленных далее специалистов являются известными людьми не только в России, но и за рубежом. Одни уделили мне несколько часов внимания, другие – месяцы и годы, но все перестраивали мое сознание, выводили из застоя, придавали ускорение. Я искренне им благодарен. На встречи с жизненными учителями мне всегда везло.

Обучение у А. Г. Карпова и А. В. Черепкова, игра в шахматы и анализ партий способствовали развитию интеллекта. В. С. Бушуев научил системному подходу в гуманитарных науках. А. В. Грунтовский стал учителем по бою. Встреча с Б. В. Горбуновым стимулировала историко-этнографические исследования, а его докторская диссертация стала [11] «затравкой» для моей научной деятельности в гуманитарной сфере. Встречи и взаимодействие с Т. А. Евдокимовой, М. В. Девятовой, А. М. Дидуром, А. Т. Огуловым, Е. В. Разиной стимулировали раскрытие темы целительства. Встреча с А. М. Лобком, работа в его классах вероятностной педагогики в Архангельске и Нижнем Новгороде, восторг от его книги [12] предопределили научную деятельность в гуманитарной сфере. Вероятностная педагогика связалась в моем сознании с вероятностной (байесовской) логикой и интерпретациями смыслов [13], ставшими одной из тем научных исследований в культурологии. Беседы с Л. Я. Шварцем связали меня с миром театра и помогли осознать себя как личность. Встречи с В. В. Асановым, А. М. Мехнецовым, Ю. Ф. Провоторовым навсегда «погрузили» в фольклор.

Встречи с Ш. А. Амонашвили, А. М. Кушниром, И. А. Колесниковой, М. В. Осориной, В. С. Мухиной, В. Ф. Базарным, Л. М. Мосоловой, Л. В. Никифоровой укрепили в мысли о необходимости подготовки диссертации в гуманитарной сфере. И. А. Колесникова инициировала написание нескольких статей и книг. Л. М. Мосолова и Л. В. Никифорова стали моими учителями и консультантами в культурологии. Необходимость оформления книг вывела на общение с художниками. Большинство из них стали моими учениками по русскому кулачному бою. Лучшими являются П. А. Изосимов, рисунки которого украшают пять моих книг, С. В. Трифонова, Е. А. Старовойтова, С. Б. Белозерова.

Встреча имеет смысл при соизмеримости участников. Чем ближе общение к диалогу, тем оно эффективнее. Диалог – это форма общения равных, по крайней мере, близких по уровню участников. К сожалению, в формальном образовании главная форма взаимодействия – монолог. Равенство отсутствует. Преподаватель рассказывает о том, о чем ученик не спрашивал. На экзаменах спрашивает то, что знает сам. Неформальное и информальное образования тяготеют к диалогу, именно поэтому их эффективность может быть выше. Это достигается и большим эффектом, и меньшими затратами (временными, финансовыми, организационными). Непрерывно повышая уровень своего образования, набрав массу (знания, умения, навыки), я смог выходить на уровень диа-

лога с людьми, оказывающими влияние на жизнь в стране. Общение стало полноценным и двунаправленным. Я горжусь этим общением. Став преподавателем, я начал влиять на жизненные траектории учеников, а они своей общей массой и энергией всегда влияли на меня, стимулируя дальнейшее образовательное движение.

Поэтика фольклора. Саморефлексия, которой посвящена статья, не единственная в моем опыте. Все предыдущие были в стихах. Первыми попытками были сборники «Отражение» и «Смехотворная защита». В них собрана в основном лирика. Далее последовали «Защита от гранита», посвященная коллегам по работе, «Староиндийская защита» и «Новоиндийская защита», где описаны мои индийские приключения, «Кулаком и стихом», описывающая кулачных бойцов и фольклористов. Как известно, традиционная культура формирует поэтическое видение мира. Стихи, пение, музыка через «объемность», ритмичность и вариативность «включают» правополушарную область, не «выключая» левополушарную, обеспечивающую движения. Это гармонизирует работу интеллекта. Погружение в фольклор – современную форму традиционной культуры – способствует возникновению и закреплению иной формы сознания наших современников, которую можно назвать поэтической. Как это ни покажется странным, поэтическое сознание возникает и при освоении русского кулачного боя. Доказательством служит то, что педагоги-тренеры Санкт-Петербургского общества любителей кулачного боя являются авторами многочисленных стихотворных и прозаических художественных произведений (А. В. Грунтовский, А. В. Григорьевых, С. Рейзбек).

На мое «театральное» образование огромное влияние оказал режиссер Л. Я. Шварц, руководитель народного театра «Четыре окошка». Отмечу чаепития с обсуждениями после спектаклей, иногда носившими жаркий характер. Здесь талант и обаяние Л. Я. Шварца раскрывались во всей полноте. Видимо, эти обсуждения стали предтечей моих микролекций после тренировок.

Освоение русского кулачного боя и традиционного культурного наследия создало условия для таких проявлений интеллектуальной деятельности, как интуиция, спонтанность, непредсказуемость и даже переход в иные состояния сознания. Последним состоянием, анализируя различные духовные и телесные практики, уделял большое внимание В. В. Налимов, обозначая их как подключения к подвалам космического сознания (коллективное бессознательное) и к метауровню (космическое сознание) [9, с. 104]. Круговой бой, особенно бой вслепую, действительно ведутся в ином состоянии сознания.

Отмечу особенность контингента людей, занимающихся боем, – это, как правило, студенты, интеллигенция, семинаристы и священники, даже профессора. В трудные для страны 1990-е годы именно они осознали необходимость освоения кулачного боя и традиционного культурного наследия для повышения собственной защищенности и защищенности систем, связанных с ними.

Счастье и образование. Необходимость положительных чувственно-эмоциональных реакций в процессе образования несомненна. Один из крупнейших педагогов страны Ш. А. Амонашвили считает задачи получения позитивного настроения, удовольствия, восторга приоритетными в образовании.

Одна из его книг имеет название: «Улыбка моя, где ты?» На моих занятиях фольклором и русским кулачным боем обстановка всегда именно такая. Улыбки, смех, удовольствие, восторг, хохот, даже ощущение счастья. Ничего похожего я не видел в клубах бокса, карате, ушу. Я стал исследовать это явление и обратился к материалам В. С. Бушуева. Вот его определение, немного отредактированное мною. Образование – это процесс подготовки субъекта к предстоящей жизнедеятельности в условиях недостатка или отсутствия внешнего управления и стимулирования; процесс, должный обеспечивать соответствие и эффективность практических действий данного субъекта по обеспечению устойчивости, *прогресса и счастья* его самого и зависящих от его деятельности социальных систем.

Итак, одной из целей образования является счастье. Без обращения к жизненной роли категории счастья мой путь в образовании может остаться непонятным, а педагогические и культурологические исследования будут неполными. Но мало кто из моих учеников мог ответить, что такое счастье. Официальное образование в явном виде не ставит целью его достижение. Значит, человек, желающий быть счастливым, должен стремиться к нему через неформальное и информальное образования. Счастье не научный термин, т. к. не является объектом исследования ни одной науки, это нечто большее. Счастье – это системная социально-философская категория, обозначающая положительные переживания субъекта о наличии в настоящем и высокой вероятности сохранения в будущем устойчивости и прогресса его самого и необходимых для него систем.

В результате подобных размышлений я понял, что освоение фольклора и русского кулачного боя повышали вероятности сохранения в будущем устойчивости и прогресса меня самого, моих учеников и необходимых нам систем. Именно это и вызывало ощущение счастья. В юности в одной из книг я прочитал, что счастливым человека могут сделать шахматы, борьба и любовь. Жизнь помогла проверить это категоричное утверждение – я ощущал себя счастливым именно в них, иногда одновременно во всех.

Воспитание детей. Воспитание собственных детей я отношу к информальному самообразованию, которое для меня явилось действительно непрерывным и пожизненным и которое внесло в формирование моей личности ничуть не меньше, чем другие виды образования. У меня трое сыновей и две дочери. Первенец появился на свет еще до окончания ЛЭТИ, младшая дочка в этом году пошла в школу. Иногда у меня спрашивают: «А зачем так много детей?» Во-первых, я всегда чувствовал некоторый запас прочности, некоторую избыточность своих сил, а значит, осознавал высокую вероятность благополучного воспитания детей. Во-вторых, как считают психологи, в детях родители иногда пытаются осуществить свои нереализованные желания. А их у меня и было, и остается много: петь, танцевать, рисовать, играть на музыкальных инструментах, знать языки и еще многое другое.

Старший сын учился петь и плясать, преподавал русский кулачный бой в фольклорно-этнографическом клубе, играл в ВИА. Средний сын обучался плясать, младший – до сих пор обучается в народном коллективе, ансамбле танца «Россияночка». Старшая дочь училась в изостудии, хорошо рисует, окончила английскую школу, затем педаго-

гический вуз, младший сын учится в той же школе сейчас. Младшая дочь учится в музыкальной школе, изостудии, кружке английского и даже пишет печатными буквами свои диссертации, вызывая некоторое удивление воспитателей детского сада.

В-третьих, с детьми просто интересно жить, они удивительно перестраивают сознание, делают его детским, способным к удивлению, восприятию нового, образованию. А главное, они иногда дают счастье.

Становление интеллекта. Образовательный путь, прослеженный выше, дает материал для некоторых обобщений, которые, может быть, полезны не только мне. Любая форма образования отображается в изменениях интеллекта. Каждый из этапов моей деятельности (шахматы, техника, русский кулачный бой, фольклор, преподавание, работа над книгами) оказывал особое влияние на формирование интеллекта. Шахматы развивали волевые качества, интуицию, глубину расчета. Техника с опорой на физику и математику развивала формально-логические структуры и способность быстрой адаптации в окружающем техногенном пространстве. Бой способствовал интеграции телесных и интеллектуальных качеств, являлся ключом для вхождения в иные состояния сознания. Фольклор способствовал творчеству, подключению к коллективному бессознательному. Преподавание позволяло проявляться чувственно-эмоциональному реагированию, ощущать единение, феномен «мы». Работа над книгами заставляла осваивать новые области, генерировать идеи, интегрировать их и воплощать долговременные планы в жизнь.

В одной из своих работ [9, с. 104] В. В. Налимов приводит шестиуровневую модель сознания (интеллекта) и указывает на то, что, как правило, современниками используются далеко не все уровни. Кажется, в некоторые моменты жизни мне удавалось использовать все налимовские уровни, а в повседневности – большую их часть.

Публикации. На сегодняшний момент у меня более двух десятков статей и несколько авторских свидетельств (патентов) в технической сфере (формальное образование).

Первой публикацией в неформальном образовании была статья в журнале «Русская провинция» в 1996 году «Музыка и частушки под драку». Затем (1997) была издана совместно с Е. В. Разиной книга «Здоровье, традиционная пластика и кулачный бой». Далее в хронологическом порядке были выпущены: «Самозащита культуры» (2005), «Культура самозащиты» (2006), «Отражение. Стихи» (2008), «Смехотворная защита. Стихи» (2008), «Защита от гранита: Стихи» (2008), «Староиндийская защита. Стихи» (2009), «Кулаком и стихом» (2009), «Новоиндийская защита. Стихи». (2010), «Русский кулачный бой. Традиционная и современная культура самозащиты. Удары» (2011), «Русский кулачный бой. Традиционная и современная культура самозащиты. Связки. Защита. Оружие» (2011), «Боевые дифференциалы. Педагогика национальной самозащиты» (2012), «Боевые интегралы. Педагогика национальной самозащиты» (2012). Выделю статьи по защитным функциям и защитным стратегиям в культуре, основанные на байесовском подходе [14; 15].

По объему опубликованного гуманитарные (неформальные) тексты примерно в 20 раз превышают технические (формальные). Примерно такое же соотношение и по количеству читателей, и по тиражам. Общая черта названий почти всех книг, связанных с неформальным образованием, – защита (самозащита) или синоним этому слову, например «Отражение». Защита – один из ин-

вариантов моего жизненного пути. Отмечу, что во время работы над книгами пришлось в течение 20 лет организовывать съемки, собирать видео- и фотоматериалы, обрабатывать их, набирать тексты, верстать большую часть текстов, оформлять обложки. То есть необходимо было самостоятельно получить дополнительное образование, связанное с издательской деятельностью.

Докторская диссертация. Несколько лет назад я осознал, что любое знание, любая информация должны быть защищены, в том числе и ученой степенью. И чем выше уровень информации, тем выше должны быть уровень ее защиты и степень. Кроме того, в последние годы выросла личная самооценка. Пока моя докторская диссертация не защищена. Первая попытка работы над ней была связана с психологией. Несколько часов общения с академиком В. С. Мухиной позволили на основе имеющихся у меня материалов сформулировать тему и определить структуру. Но не было внутренней убежденности, что этот путь именно мой. Выборы бывают и отрицательными. Вторая попытка была связана с педагогикой телесно-ориентированных систем. При этом я оформил и текст, и автореферат. Но, несмотря на поддержку со стороны известных педагогов страны, неожиданно принял решение защищаться по культурологии. Дело не только в том, что в XXI веке наметились тенденции к антропоцентризму, культуроцентризму, а в том, что огромная часть моего самообразования связана именно с культурологией и находит отображение и в освоенных компонентах культуры, и в публикациях, и в характере просветительской деятельности, и в мироощущении. Как мне кажется, я уже 30 лет назад почувствовал зов времени и начал работу в данном направлении.

В настоящее время в гуманитаристике нет докторских диссертаций связанных с отечественными системами самозащиты и русским кулачным боем. Последняя диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских» была защищена в конце XX века (1997) Б. В. Горбуновым [11]. В то же время докторские диссертации по восточным боевым системам по педагогике и психологии, безусловно актуальные, защищены А. А. Передельским (2008) и И. А. Вороновым (2005) в XXI веке. Уверен, что россиянам крайне необходимы научные исследования по отечественным системам самозащиты.

Инварианты образовательного пути. Несмотря на «кустистость» (ризоность) приобретенного образования, в нем сохраняется целостность, стремление к общей цели. Целостность имеет связь с системностью, а значит, к характерному для системы новому эффекту, которого нет ни в одном из компонентов (в данном случае компонентов образования). Этим эффектом я считаю повышение собственной защищенности и защищенности систем, с которыми я связан (семьей, друзьями, учениками... Родиной). Моя жизнь (мое образование) связана с разработкой темы защиты и самозащиты, и в первую очередь в культуре. Сражение и в биологии, и в человеческом обществе – это одна из форм защиты и самозащиты. Шахматы (напомню о бойцовских качествах), техническая диссертация, русский кулачный бой – все это различные формы защиты. Это инварианты моей жизни, в которой преобладали интеграционные процессы, попытки «поверить гармонию алгеброй». Защищенность любой системы,

прежде всего, связана с ее устойчивостью при дестабилизирующих воздействиях, далее – с развитием потенциала и повышением эффективности его использования. Развитие потенциала и эффективности его использования связано с задачей «ретрансляции» себя в будущее, с самоидентичностью, тождественностью самому себе. С точки зрения культурологии самоидентичность – это сохранение глубинных оснований собственной культуры. В общем виде она является отражением собственной сущности и среды обитания на всех уровнях сложности с учетом времени, обеспечивающее сохранение устойчивости, потенциала и эффективности его использования. Я считаю, что внес и вношу своей деятельностью вклад в повышение и устойчивости, и потенциала, и эффективности его использования большей части систем, сопряженных со мною.

Во многом мое образование является комплементарным: интеллектуальное дополнялось телесным, техническое – гуманитарным. В чем-то это отвечает необходимости «круговой обороны», а на языке науки соответствует байесовской стратегии или стратегии наименьшего среднего риска. Комплементарность считаю необходимым инвариантом образования XXI века. Отмечу чувствительность к зову эпохи: выборы технической сферы в 1970-е годы XX века и гуманитарной сферы в начале XXI века, когда большинство стало осваивать финансовую сферу. Это тоже один из инвариантов, выбирались именно те направления, которые, по моим оценкам, могли в будущем принести наибольший вклад в защищенность меня и систем, со мной связанных, включая Россию. Подчеркну как инвариант особую значимость и необходимость ресурсного (информационного, энергетического, финансового, временного, волевого) обеспечения неформального и информального образований. Именно они принципиально не могут быть тиражируемыми. Но именно они обеспечивают неповторимую образовательную траекторию. Личность формируется преимущественно в них. Формальное образование, на которое ориентируется большинство современников, типично. Как правило, его описание уместается на одной строчке, в графе о квалификации. Такую строчку имеют миллионы. Формальное образование – это фундамент для неформального и информального, но большинство людей так и живут всю жизнь в фундаменте-землянке.

Я считаю, в связи с тенденциями к антропоцентризму и культуроцентризму в перспективе станет эффективным в качестве первого иметь техническое базовое (формальное) образование, а в качестве второго, третьего и т. д. (формальное, неформальное, информальное) – гуманитарное. Практика показывает, что миллионы людей с техническим базовым образованием легко осваивают гуманитарные сферы. Качество неформального (информального) технического образования, полученного на основе гуманитарного, далеко не всегда будет высоким. Не случайно гуманитариев, освоивших технику, в сотни раз меньше. Возможно, образовательный путь в намеченной последовательности станет инвариантом образовательных стратегий будущего. Пусть не для всех, но для какой-то части учащихся.

Список литературы

1. Колесникова И. А. Непрерывное образование как феномен XXI века: новые ракур-

- сы исследования // Непрерывное образование: XXI век. 2013. № 1. С. 1–17.
2. Юдасин Л. Г. Тысячелетний миф шахмат. М.: Северный паломник, 2004. 608 с.
 3. Куц В. А. Самозащита культуры. М.: Народное образование, 2005. 304 с.
 4. Бушуев В. С., Крылова Н. В. Актуальные проблемы современной педагогики: Учеб. пособие. СПб.: СПбГЭУ, 2002.
 5. Грунтовский А. В. Русский кулачный бой. История, этнография, техника. СПб., 1993. 212 с.
 6. Куц В. А. Русский кулачный бой. Традиционная и современная культура самозащиты. Связки. Защита. Оружие. СПб.: Астер-Пресс, 2011. 296 с.
 7. Архипова О. В. Философско-культурные основания образования в течение жизни: постнеклассический контекст // Непрерывное образование: XXI век. 2013. № 1. С. 18–27.
 8. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
 9. Налимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Изд-во «Прометей», МГПИ им. Ленина, 1989. 288 с.
 10. Расторгуев С. П. Информационная война. М.: Радио и связь, 1999. 416 с.
 11. Горбунов Б. В. Военская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских: Ист.-этногр. исслед.: Дис. ... д-ра ист. наук по спец. 07.00.07 (этнография, этнология и антропология). М., 1997. 547 с.
 12. Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 688 с.
 13. Налимов В. В. В поисках иных смыслов. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. 280 с.
 14. Куц В. А. Защитные стратегии в культуре: байесовский метод оптимизации (на примере русского кулачного боя) // Общество. Среда. Развитие. 2013. № 1. С. 86–91.
 15. Куц В. А. Защитные функции в системе культуры: оптимальная стратегия снижения риска на основе байесовского подхода // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 4. С. 84–88.